

лить мѣсто свое астрономическими наблюденіями, а близость корабля къ берегу подвергла оный дѣйствию сильнаго теченія, которое произвело въ счисленіи погрѣшность, сдѣлавшуюся причиною его гибели. Начальникъ, Капитанъ Коксонъ, за нѣсколько часовъ до нашествія корабля на мель, утверждалъ, что, по его счисленію, они находились, по крайней мѣрѣ, не менѣе ста лигъ (*) отъ берега, и это увѣреніе повергло несчастный экипажъ въ пагубную безпечность !

Одинъ изъ вахтенныхъ матросовъ (Джонъ Гаинсъ), находившійся на марсѣ, первый увидѣлъ бурунъ передъ носомъ, и спросилъ своихъ товарищей, не правда ли, что волненіе впереди походить на береговой прибой. Увидѣвъ это, они увѣряли его, вопреки капитанскому объявленію, что это точно берегъ, и немедленно сообщили о томъ старшему вахтенному офицеру; но молодой человѣкъ, полагаясь на счисленіе, только смѣялся надъ *пустымъ*, по его мнѣнію, страхомъ. Тогда одинъ изъ матросовъ бросился въ каюту, и увѣдомилъ обо всемъ происходящемъ на шканцахъ самого капитана, который въ минуту выскочилъ наверхъ, и приказалъ поворачивать чрезъ фордевиндъ. Но прежде нежели приказаніе было исполнено, корабль ударился килемъ о дно. Жестокій ударъ разбудилъ весь экипажъ, и какъ пассажиры, такъ и служители немедленно выбѣжали наверхъ.

Капитанъ старался успокоить пассажировъ, и уговаривалъ ихъ, чтобъ они ничего не боялись. По приказанію его, смѣрили воду въ льялѣ, и нашли, что въ кораблѣ течи не было; но это произошло оттого, что корма стояла на каменьяхъ выше носовой части; а вскорѣ послѣ того откры-

(*) Триста миль италіянскихъ: какая пагубная ошибка! Невѣроятно, чтобъ эта разность могла произойти въ нѣсколько дней отъ одного теченія; надобно думать, что причиною оной была ошибка въ вычисленіи. Это весьма часто случается на корабляхъ, гдѣ одинъ вычисляетъ, а не многіе, которые могли бы свои выводы сравнивать и повѣрять другъ друга. Этой предосторожности всегда должно держаться, когда только можно.

лось, что крюйтъ—камера была полна воды. Между тѣмъ вѣтеръ сдѣлался съ берега, и произвелъ въ пассажирахъ ужасный страхъ: они боялись, чтобъ корабль не унесло въ море; въ такомъ случаѣ они лишились бы всѣхъ средствъ къ спасенію. Капитанъ приказалъ срубить мачты; отчего, однако жъ, корабль не получилъ ни какого облегченія: онъ стоялъ на каменьяхъ не далѣе одного кабельтова отъ берега, и не было ни какой надежды снять его.

Это страшное приключеніе навело на многихъ необыкновенную робость и отчаяніе, до того даже, что нѣкоторые потеряли умственные свои способности. Но офицеры, сохранившіе присутствіе духа, тотчасъ приступили къ построенію плота, на которомъ хотѣли переправить на берегъ женщинъ, дѣтей и больныхъ. Между тѣмъ трое отважныхъ матросовъ, взявъ каждый около себя конецъ дипъ-лотлиня, пустились къ берегу вплавъ; одинъ утонулъ, а двое выплыли, и помощью лотлиней взяли на берегъ конецъ кабельтова, который закрѣпили за каменья: причемъ помогали имъ жители, во множествѣ собравшіеся на берегу, чтобъ видѣть такое необыкновенное для нихъ зрѣлище.

Когда плотъ былъ готовъ и спущенъ на воду, тогда сошли на него четверо матросовъ, чтобъ принимать и сажать на него дамъ; но едва успѣли они спуститься на плотъ, какъ онъ повернулся низомъ вверхъ, отъ разрыва перленя, на коемъ онъ держался у борда, отчего трое изъ нихъ потонули. Послѣ этого несчастнаго случая, каждый сталъ помышлять о своемъ собственномъ спасеніи. Въ это время большой катеръ и ялъ были уже разбиты буруномъ, слѣдовательно экипажу оставался только одинъ способъ спасти себя: посредствомъ кабельтова, закрѣпленнаго на каменьяхъ, перебираться другъ за другомъ съ корабля на берегъ. Этимъ способомъ многіе счастливо достигли берега, а около пятнадцати человѣкъ потонули.

Вскорѣ потомъ корабль переломился надвое у самой гротъ-мачты. Къ счастью, вѣтеръ тогда перешелъ въ прежнюю сторону, и дулъ прямо на берегъ; это обстоятельство доставило возможность спастись оставшимся на кораблѣ. Всѣ они собрались на ютъ, ибо корабль стоялъ кормою

къ берегу. Вѣтеръ и волненіе, сильно дѣйствуя на переломившійся корабль, скоро раздѣлилъ корму на части, изъ коихъ ютъ и правая галерея, съ бывшими на нихъ людьми, приплыли на мелководье къ самому берегу; тогда всѣ бѣдствующіе, даже дамы и дѣти, вышли на берегъ благополучно; ибо другія части корабля, пресѣкая волненіе, уменьшали силу буруновъ. При семъ случаѣ лишились жизни только одинъ поваръ и негръ, которые, напившись пьяны, не помнили сами себя.

Экипажъ вышелъ на берегъ вскорѣ по наступленіи ночи, а вечеромъ жители удалились на холмы и не беспокоили его. Англичане развели огонь корабельными обломками и поужинали, набравъ по берегу кое-какихъ съѣстныхъ припасовъ, съ корабля же выкинутыхъ. Изъ парусовъ, прибитыхъ буруномъ къ берегу, поставили они двѣ палатки, въ коихъ помѣстили женщинъ, дѣтей и больныхъ, а всѣ прочіе ходили подлѣ воды и собирали все, что имъ попадалось и было, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, для нихъ нужно.

Путру 5-го числа жители возвратились къ берегу, и начали, безъ всякихъ околичностей, отнимать у Англичанъ все, что имъ нравилось. Такіе поступки устроили ихъ, а особливо дамъ, которыя боялись, чтобъ они не причинили имъ какого либо личнаго оскорбленія; но примѣтивъ, что дикіе довольствовались грабежемъ, успокоились.

Весь слѣдующій день Англичане употребили на собираніе вещей, нужныхъ для путешествія ихъ къ Мысу Доброй Надежды, къ которому они, по неблагоразумію своему, рѣшились пуститься. Предпріятіе это, навлекшее на нихъ ужаснѣйшія бѣдствія, ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Изъ остатковъ разбитаго корабля, они удобно могли построить судно, способное вмѣстить всѣхъ ихъ съ достаточнымъ количествомъ запасовъ, для перехода къ ближайшему голландскому селенію, котораго они могли достигъ безъ малѣйшей опасности. Великія бѣды, однако жъ, лишаютъ людей присутствія духа и обыкновеннаго благоразумія; это самое случилось съ экипажемъ корабля Гровенора: они, избѣжавъ отъ гибели на морѣ, страшились

опять вѣрить судьбу свою непостоянной стихіи, и не размышляя ни мало о послѣдствіяхъ, рѣшительно заключили, что одно лишь береговое путешествіе къ Мысу Доброй Надежды можетъ послужить къ ихъ спасенію.

Собранные ими запасы состояли изъ двухъ бочекъ муки, одной кадки соленой свинины и небольшого количества арака, который однако жъ капитанъ приказалъ вылить, опасаясь, чтобъ жители не отняли его и не перепились; въ такомъ случаѣ природная ихъ свирѣпость сдѣлалась бы еще больше, и они, въ пьяномъ образѣ, могли бы покушаться на такіа жестокость, отъ которыхъ трезвые воздерживались

Капитанъ Коксонъ, собравъ весь экипажъ, раздѣлилъ съѣстные припасы каждому человѣку поравну а потомъ спросилъ ихъ, согласны ли они ему повиноваться, или желаютъ выбрать надъ собою другаго начальника; на это всѣ до одного человѣка единогласно подчинили ему себя по прежнему. Послѣ сего онъ имъ объявилъ, что по его расчету, со всевозможною точностью сдѣланному, они могутъ достигъ голландскихъ селеній въ пятнадцать или шестнадцать дней. Въ семъ счисленіи капитанъ немного ошибся, ибо въ послѣдствіи открылось, что Гровеноръ погибъ на берегахъ Кафраріи, между широтами 27° и 28°; а какъ голландскія селенія простираются до 31 градуса широты, то Англичане и дѣйствительно могли бы совершить предстоявшій имъ переходъ въ означенное капитаномъ время, если бъ не попрепятствовали большія рѣки.

7-го числа выступили они въ путь, кромѣ одного престарѣлаго солдата, который, будучи хромъ, предпочелъ лучше вѣрить будущую свою участь дикимъ, чѣмъ умереть на дорогѣ отъ извуренія и голода. Нѣкоторые изъ жителей остались на берегу подлѣ корабля, а другіе послѣдовали за Англичанами, и время отъ времени отнимали у нихъ разныя вещи, привлекавшія на себя ихъ вниманіе, а иногда бросали въ нихъ камнями. Крошечши нѣсколько миль, встрѣтились они съ артелью дикихъ, состоявшею изъ тридцати человѣкъ, въ числѣ коихъ находился одинъ, по имени Троутъ, умѣвшій говорить по-голландски:

онъ былъ, какъ послѣ открылось, бѣглый невольникъ, осужденный за разныя преступленія на Мысѣ Доброй Надежды. Дикіе имѣли лица, вымазанныя красною краской, и связывали волосы наподобіе сахарной головы. Троутъ, узнавъ отъ Англичанъ, кто они и куда шли, увѣдомилъ ихъ, что на пути своемъ къ мысу, они должны будутъ встрѣтить неизъяснимыя препоны отъ жителей, дикихъ звѣрей и свойства земли.

Хотя извѣстіе это не послужило къ ихъ утѣшенію, но они не оставили своего предпріятія, и хотѣли уговорить Троута быть ихъ путеводителемъ, на что однако жъ никакими обѣщаніями, ни какими лестными для него видами, не могли его склонить. Послѣ того шли они еще четыре или пять дней, будучи преслѣдуемы жителями, которые каждый день что нибудь у нихъ отнимали, но на ночь обыкновенно удалялись.

На пути Англичане видѣли много селеній, отъ которыхъ старались удаляться, чтобы избѣжать оскорбленій отъ дикихъ. Спустившись въ глубокую лошину, встрѣтили они трехъ Кафровъ, вооруженныхъ копьями, которыя представили они къ груди капитана. Этотъ поступокъ до того раздражилъ его, что онъ, вырвавъ у одного изъ нихъ копье, изломалъ въ куски. Кафры, не показавъ ни малѣйшаго вида огорченія или досады, немедленно удалились; но на другой день, когда Англичане приблизились къ одному большому селенію, котораго нельзя имъ было миновать, встрѣтили ихъ эти три человека съ тремя или четырьмя стами своихъ единоплеменниковъ, вооруженныхъ копьями и щитами. Кафры напали на Англичанъ; сначала ихъ грабили, а потомъ стали бить.

Англичане, полагая, что ихъ хотятъ перебить до смерти, рѣшились защищаться до послѣдней крайности; составили каре, помѣстивъ женщинъ и дѣтей въ средину, и будучи въ числѣ отъ осьмидесяти до девяноста человекъ, добрались до возвышеннаго мѣста, и дали такой отпоръ жителямъ, что скоро принудили ихъ отступить и помириться съ ними. Въ утвержденіе мира, Англичане срѣзали съ кафтановъ пуговицы, и подарили Кабрамъ, которые вскорѣ

послѣ того оставили ихъ въ покоѣ, и уже не возвращались. Убитыхъ ни съ которой стороны не было, но многіе были ранены.

Въ слѣдующую ночь они были встревожены ревомъ львовъ, тигровъ и другихъ хищныхъ звѣрей; это заставило ихъ развести огонь и во всю ночь имѣть вокругъ сильную стражу, чтобъ не подпустить къ себѣ слишкомъ близко такихъ опасныхъ гостей. Не взирая на всѣ эти предосторожности, звѣри стадами приближались на такое разстояніе, что ужаснымъ своимъ ревомъ въ продолженіе всей ночи содержали бѣдныхъ Англичанъ въ безпрестанномъ страхѣ. Каково было положеніе дамъ, нѣжно воспитанныхъ, и привыкшихъ къ спокойной и роскошной жизни!

Поутру они опять встрѣтили Троута; онъ успѣлъ уже побывать на разбитомъ кораблѣ, и набрать тамъ множество мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей, съ которыми возвращался въ свое жилище. Онъ предостерегалъ ихъ, чтобъ они впередъ не противились дикимъ, ибо безъ достаточнаго оружія, сопротивленіе ихъ не можетъ послужить ни къ чему иному, какъ только къ большому противъ себя ожесточенію жителей, которые будутъ стараться увеличить препятствія, и безъ того уже едва преодолимыя. Давъ сей совѣтъ, Траутъ разстался съ ними вторично.

Прошедши нѣкоторое разстояніе въ продолженіе дня, ночь рѣшились они провести подлѣ одной глубокой лощины; страшный ревъ и вой звѣрей, не взирая на огонь и стражу, лишали ихъ покоя.

Продолжая многотрудное свое путешествіе, Англичане, въ слѣдующій день, встрѣтились съ сильною артелью жителей, которые на нихъ напали и кое-что у нихъ отняли; между прочимъ при семъ случаѣ, лишились они огнива, кремня и коробочки съ трупомъ. Потеря эта была невозвратна; она заставила ихъ поочереды нести съ собою обгорѣлое полѣно съ огнемъ. Дикіе преслѣдовали ихъ до самой ночи, и предъ тѣмъ, какъ надобно было имъ удалиться, еще разъ напали на Англичанъ и отняли у мужчинъ часы, а у дамъ брилліантовые вещи, которыя были спрятаны у нихъ въ волосахъ. Сопротивленіе было

тщетно; тѣ, которые противились дикимъ, получали отъ нихъ болѣе оскорбленій, и даже побои.

Ночь провели они подлѣ небольшой рѣчки, а поутру перешли чрезъ нее. Теперь съѣстные запасы у нихъ почти всѣ вышли; а какъ женщины и дѣти много ихъ останавливали, то матросы начали роптать, повидимому рѣшась итти отдѣльно. Ропотъ былъ причиною, что они раздѣлились на двѣ партіи: одну составили капитанъ, первый офицеръ съ женою, третій офицеръ, комиссаръ, лекаръ, пассажиры: Г. Лоджи, Полковникъ Джемсъ съ супругою, Г. и Г-жа Гози, Г. Ньюманъ и пятеро дѣтей. Они согласились не разлучаться, и пассажиры склонили щедрыми общаніями нѣсколько человѣкъ матросовъ имъ сопутствовать.

Въ другой партіи находились второй офицеръ Г. Шау, четвертый Г. Троттеръ, пятый Г. Гарисъ; пассажиры Гг. Вилліамсъ, Тейлоръ, д' Эспинетъ, и нѣсколько другихъ; всего, со слугами и матросами, сорокъ три человѣка. Одинъ малолѣтній мичманъ лѣтъ осьми отроду, по имени Лау, не имѣя въ партіи ни кого родныхъ, со слезами сталъ просить офицеровъ не покидать его; они сжаились надъ бѣднымъ дитятею, и согласились нести его по очереди.

Это раздѣленіе было столь же пагубно и жестоко, сколь и неблагоприятно. Вскорѣ, однако жъ, они опять сошлись при одной большой рѣкѣ, которая на нѣсколько времени задержала партію втораго офицера. Это доставило имъ великое удовольствіе, и они во весь сей день и часть слѣдующаго шли вмѣстѣ.

Теперь Англичане пришли въ большое селеніе, гдѣ нашли Троута, который представилъ имъ свою жену и дитя, и выпросилъ для нихъ кусокъ свинины. Онъ объявилъ, что здѣсь его мѣстопробываніе, и опять повторилъ, что жители не позволяютъ ему съ ними отправиться, если бъ онъ и желалъ того; но охотно сообщилъ имъ разныя свѣдѣнія касательно ихъ пути; за что Англичане прилично его наградили. Впрочемъ, хотя съ одной стороны они сожалѣли, что онъ не соглашался быть ихъ провожатымъ, но съ другой, это, вѣроятно, было къ лучшему, ибо злодѣянія его, какъ послѣ стало извѣстно, были такъ велики,

что отъ него можно было навѣрно ожидать измѣны и всего худшаго.

Во время разговора Англичанъ съ Троутомъ, дикіе окружили ихъ, и послѣ слѣдовали за ними во множествѣ до самаго вечера. Эту ночь обѣ партіи провели вмѣстѣ; но, къ несчастію, тѣ общія имъ бѣдствія, которыя должны были соединить ихъ тѣснѣйшею дружбой, были причиною вражды и несогласія между ими.

Недостатокъ въ пищѣ заставилъ одинъ небольшой отрядъ отправиться къ морскому берегу, чтобъ поискать раковинъ; посланные набрали нѣсколько устрицъ, улитокъ и проч., которыя раздѣлены были между дамами, дѣтьми и больвыми, ибо наступившій приливъ не позволилъ набрать достаточнаго количества для всѣхъ. Эта скудная пища не могла утолить голода, но только возбудила его болѣе. Около полудня подошли они къ небольшому селенію, гдѣ встрѣтилъ ихъ старикъ, вооруженный копьемъ, которое онъ навелъ въ нихъ, и въ то же время ртомъ произвелъ стукъ, въ подражаніе ружейному выстрѣлу. Изъ этого обстоятельства Англичане заключили, что онъ зналъ огнестрѣльное оружіе, и беспокоился, чтобъ они не перестрѣляли его стада, которое онъ тотчасъ загналъ въ окрестности, слѣвавшую нарочно для скота на ночное время. Обезпечивъ свое стадо, старикъ не заботился болѣе объ Англичанахъ, но другіе обыватели селенія поступали съ ними весьма дурно.

Наконецъ, настало время послѣдняго разлученія двухъ партій: онѣ разстались навѣки! Принятіе этой мѣры оправдывали они, повидимому, основательными причинами, полагая, что, идучи разными путями и въ меньшемъ числѣ, не могутъ они возбудить столько подозрѣнія и зависти въ дикихъ, какъ путешествуя вмѣстѣ, и будутъ въ состояніи удобнѣе доставать пищу. Но, въ замѣнъ сихъ мнимыхъ выгодъ, они ослабили свои силы, и лишились взаимнаго подкрѣпленія; потеряли довѣренность и уваженіе къ одному общему всѣмъ начальнику, который, своею властію и благоразумными распоряженіями, могъ бы ихъ направлять къ одной полезной цѣли, и заставить дѣйствовать всѣхъ

единодушно. Не имѣя же надъ собою начальника, всѣ они раздѣлились по прихотямъ и пустымъ временнымъ выгодамъ на разныя мелкія партіи къ общей своей гибели. Но при всемъ томъ, прощаніе ихъ было чувствительно и не безъ слезъ: общее всѣмъ несчастіе уничтожило между ими различіе чиновъ и состояній, и они не иначе себя считали, какъ друзьями и братьями.

Отъ сего времени участь капитана и его спутниковъ почти вовсе неизвѣстна. Воображеніе едва ли можетъ представить бѣдствія, ужаснѣ тѣхъ, которыя должны были испытать слабыя, нѣжно воспитанныя женщины и невинныя дѣти. Изъ описанія пережившихъ свое несчастіе и по другимъ въ послѣдствіи времени пріобрѣтеннымъ свѣдѣніямъ, съ вѣроятностью можно заключить, что смерть прекратила ихъ злосчастное бытіе; но можетъ быть, нѣкоторымъ изъ нихъ опредѣлено судьбою влачить между дикими жизнь, стократно несноснѣйшую, чѣмъ самая смерть.

Распростившись, обѣ партіи отправились въ путь; та изъ нихъ, которая избрала своимъ путеводителемъ втораго офицера, шла до самаго вечера; потомъ, достигнувъ удобнаго мѣста, разложила огонь, и провела ночь довольно покойно.

Въ слѣдующій день прошли они, по догадкѣ, около тридцати миль; встрѣтили многочисленныя партіи жителей, которые не сдѣлали имъ ни малѣйшей обиды. На закатѣ солнца приблизились они къ обширному лѣсу, но войти въ него не отважились, чтобъ не сбиться съ пути, а провели ночь на самомъ рубежѣ лѣса въ безпрестанномъ безпокойствѣ и страхѣ отъ хищныхъ звѣрей, которые во всю ночь ревѣли подлѣ ихъ ужаснымъ образомъ.

На другой день Англичане шли до полудня безъ всякой пищи, кромѣ щавели и неизвѣстныхъ имъ ягодъ, которыя они не боялись ѣсть, потому что птицы ихъ клевали, а въ полдень, подошедши къ одному каменистому мысу, нашли нѣсколько раковинъ, которыми утоливъ голодъ, пустились далѣе, и не встрѣтивъ во весь день ни одного человѣка, расположились ночевать на берегу весьма большой рѣки.

Рѣка была слишкомъ глубока, а изъ Англичанъ многіе не умѣли плавать; по этому рѣшились они, для отысканія брода, итти вверхъ по ней, и съ утра пустились въ дорогу. По берегу прошли они нѣсколько селеній, обитатели коихъ отъ страха не могли подать имъ ни какой помощи. Наконецъ странники наши, пройдя довольно большое разстояніе, и не сыскавъ мелководнаго мѣста, положили сдѣлать плотъ. Предпріятіе это увѣчалось полнымъ успѣхомъ.

Переѣхавъ чрезъ рѣку, они удалились отъ берега, и три дня не видали моря; въ это время они питались однимъ щавелемъ и водою. Голодъ заставилъ ихъ опять приблизиться къ морскому берегу, гдѣ, по счастію, нашли они изобиліе раковинъ, коими могли подкрѣпить себя.

Послѣ того шли они вдоль берега, слѣдуя всѣмъ его излучинамъ, три или четыре дня, не претерпѣвъ отъ жителей ни какого оскорбленія. Въ это время прошли они сквозъ густой лѣсъ, въ которомъ, можетъ статья, никогда небывала нога человѣческая, и будучи утомлены столь многотруднымъ путешествіемъ, голодомъ и жаромъ, Англичане пришли въ совершенное изнеможеніе, и когда они едва были въ состояніи кое-какъ тащиться, въ то время достигли вершины небольшой горы. Здѣсь они ночевали, и имѣли удовольствіе видѣть предъ собою пространную долину, съ извивающимся по ней ручьемъ; но какъ дикіе звѣри приходили обыкновенно къ нему пить, то ночной ихъ ревъ не мало беспокоилъ бѣдныхъ Англичанъ.

Полутру одинъ изъ путешественниковъ взлѣзалъ на высокое дерево для обзорѣнія изгибовъ морскаго берега; послѣ того отправились они далѣе, и при наступленіи ночи, опять вошли въ густой лѣсъ, которымъ скоро пробрались по тропинкѣ, выбитой звѣрями, и вышли на морской берегъ. Здѣсь расположились они ночевать, развели огни и набрали устрицъ, которыя принуждены были класть въ огонь, чтобъ открыть ихъ, ибо во всей партіи не было ни одного ножа. Мѣсто ночлега было покойно, только не могли они сыскать прѣсной воды.

На другой день путешественники были обрадованы